

## КОНЦЕПЦИЯ

УДК 130.2; 316.77

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53

### ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

**Деникин Антон Анатольевич** – кандидат культурологии, доцент, кафедра звукорежиссуры и музыкального искусства Института кино и телевидения ГИТР. Российская Федерация, 123007, г. Москва, Хорошёвское ш., д. 32а. Кафедра звукорежиссуры Российского института театрального искусства ГИТИС. Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., д. 6; e-mail: oficial@list.ru, ORCID: 0000-0001-8101-7952

В данной статье с опорой на идеи транс-, пост- и нечеловеческой философии предпринята попытка рассмотрения отчасти оформившегося дискурсивного поля постчеловеческой коммуникативистики – сферы исследований постчеловеческих коммуникаций, их возможностей, закономерностей функционирования и развития. В статье анализируется то, как влияют современные философские теории, медиакоммуникации и творческие цифровые практики на человеческое общение. Для понимания и совершенствования постчеловеческих коммуникаций предлагается ряд концептуальных механизмов их описания и исследования. Трансгуманистические идеи экстропии и аболиционизма привлекают внимание к исследованию возможностей коммуникации с живой материей человеческого тела на биологическом и клеточном уровнях. Биоинженерные эксперименты рассматриваются как форма коммуникации с самой природой. Неантропоцентричные взаимодействия, представленные в арт-экспериментах современных художников, обнаруживают сущность машинного сознания и машинных коммуникаций. Постгуманистические коммуникации связываются с обязательным включением телесных режимов взаимодействия между человеком и компьютерными объектами. Такие коммуникации анализируются через концепт реляционности: коммуникация понимается как процесс выстраивания отношений, а качества взаимодействующих тел/объектов рассматриваются с точки зрения их способности изменяться и реагировать. В экокритических и экофеминистских коммуникационных стратегиях выявляется попытка устранения различий между человеческими и животными коммуникациями. Коммуникация рассматривается как форма ассамбляжа, не являющегося исключительно человеческой привилегией. Делается вывод о том, что в постчеловеческих коммуникационных практиках происходит переход от репрезентации к перформативности и физическому действию, физической активности, агентности. В результате опыт компьютерно-человеческих и объектно-человеческих взаимодействий оказывается шире собственно задач традиционной коммуникации, шире восприятия и получения эстетического опыта. Это опыт реальной

материальной трансформации окружающей действительности. Такое смещение внимания с того, что означают вещи, на то, что они делают, имеет существенные последствия для понимания коммуникации – того, как что-то влияет, что-то подчиняет нас своей воле, производит впечатление, воздействует эффективно и аффективно.

**Ключевые слова:** коммуникация, постчеловеческая коммуникативистика, трансгуманизм, постгуманизм, новый материализм, энвайронментализм, реляционность

*Цитирование:* Деникин А.А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. С. 33-53. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53

*Рукопись получена: 15 октября 2023*

*Пересмотрена: 27 ноября 2023*

*Принята: 30 ноября 2023*

## DISCURSIVE ASPECTS OF POSTHUMAN COMMUNICATIONS

**Anton A. Denikin** – PhD in Culturology, Associate Professor, Sound Engineering and Musical Art Department of GITR Film and Television School. 32a, Khoroshevskoe Rd., Moscow, 123007, Russian Federation. Sound Engineering Department of Russian Institute of Theatre Arts. 6, Maly Kislovsky Ln., Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: oficial@list.ru, ORCID: 0000-0001-8101-7952

In this article, based on the ideas of trans-, post- and non-human philosophy, an attempt is made to consider the partially formed discursive field of posthuman communication studies – the sphere of research of posthuman communications, their capabilities, patterns of functioning and development. The article analyzes how new philosophical theories, media communications and creative digital practices influence the change in human communication. To understand and improve posthuman communications, a number of conceptual mechanisms for their description and research are proposed. Transhumanist ideas of extropy and abolitionism attract attention to the study of the possibilities of communication with the living matter of the human body at the biological and cellular levels. Bioengineering experiments are considered as a form of communication with nature itself. The non-anthropocentric interactions presented in the art experiments of contemporary artists reveal the essence of machine consciousness and machine communications. Posthumanist communications are associated with the mandatory inclusion of bodily modes of interaction between a person and computer objects. Such communications are analyzed through the concept of relationality: communication is understood as the process of building relationships, and the qualities of interacting bodies/objects are considered in terms of their ability to change and react. Ecocritical and ecofeminist communication strategies reveal an attempt to eliminate the differences between human and animal communications. Communication is considered as a form of

assemblage, which is not exclusively a human privilege. It is concluded that in posthuman communication practices there is a transition from representation to performativity and physical action, physical activity, agency. As a result, the experience of computer-human and object-human interactions turns out to be broader than the actual tasks of traditional communication, broader than perception and aesthetic experience. This is an experience of a real material transformation of the surrounding reality. Such a shift of attention from what things mean to what they do has significant consequences for understanding communication – how something influences, something subordinates us to its will, impresses, affects effectively and affectively..

**Keywords:** communication, posthuman communication studies, transhumanism, posthumanism, new materialism, environmentalism, relativity

*Received: 15 October 2023*

*Revised: 27 November 2023*

*Accepted: 30 November 2023*

*How to cite:* Denikin, A.A. (2023). Discursive aspects of posthuman communications. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab, 6 (4): 33-53.*  
DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-33-53 (In Russian).

Вопросы коммуникации в широком смысле, как межвидового взаимодействия, всё чаще оказываются в фокусе внимания многих современных философских исследований – например, в более-менее человеческих, трансчеловеческих, постчеловеческих философских концепциях, направлениях нового материализма, спекулятивного реализма, теории аффектов, междисциплинарных исследованиях животных, философии искусственного интеллекта и др. Эти направления объединяет стремление осмыслить реальность, в которой бытие человека не оказывает значимого влияния на существование разнообразия мира живой и неживой природы.

«Постчеловеческая коммуникация» понимается как взаимодействие физических, биологических и искусственно созданных существ, в результате чего во взаимовлияниях, или интраакциях (как о них пишет философ К. Барад), разнородных агентов (биологических и цифровых актантов)<sup>3</sup> формируются необычные способы передачи информации и неязыковые виды медиакommunikаций. Это делает новые возможности общения нечеловеков, а также людей с нечеловеческими существами важным направлением для гуманитарных исследований.

Идея постчеловеческого привлекает внимание всё большего числа исследователей и создаёт новые области науки, такие как постчеловеческая риторика (Boyle, 2018), постчеловеческая эконо-

---

<sup>3</sup> Подробнее об «агентном реализме» см.: (Barad, 2007).

мика (Schönpflug, Klapeer, 2017, pp. 204-220), постчеловеческая антропология (Smart, Smart, 2017) и пр.

Не менее актуальной научной дисциплиной могла бы стать *постчеловеческая коммуникативистика*.

Постчеловеческая коммуникативистика, как наука о месте и роли постчеловеческих коммуникаций, их возможностях, закономерностях функционирования и развития, предлагает пути междисциплинарного анализа феномена машинных, системных, природных и экологических коммуникаций. Она может изучать функционирование технобиоматериальных взаимодействий, характерные для них механизмы и тенденции взаимовлияния разнородных сил и процессов (как человеческих, так и нечеловеческих), приводящих к обмену действиями, аффектами, эмоциями и смыслами, к циркуляции энергетических сил и интенсивностей, материальному становлению и дискурсивному разнообразию и тем самым ведущих к материальным изменениям – умножению возможного через реализацию конкретных его инвариантов. Концентрируясь на исследовании материально-дискурсивных обменов, постчеловеческая коммуникативистика могла бы стать сферой интенсивного исследования актуальных вопросов современной медиакультуры, экологической и машинно-человеческой коммуникации.

Цель этой статьи – рассмотрение уже отчасти оформившегося дискурсивного поля постчеловеческой коммуникативистики и способов, которыми могут осуществляться постчеловеческие коммуникации. В статье анализируется то, как влияют друг на друга современные философские теории, медиакommunikации и творческие цифровые практики.

### ***Философия трансгуманизма и биокибернетические коммуникации***

Заметным среди идейных оснований постчеловеческой коммуникативистики является дискурс трансгуманизма.

Трансгуманизм определяют как «интеллектуальное и культурное движение, которое подтверждает возможность и целесообразность фундаментального улучшения условий жизни человека» (Кавинова, 2017, с. 4); как «новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает возможность и желательность безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас “естественными” пределы человеческих возможностей» (Манифест..., web); как «класс философий, которые стремятся направить нас к постчеловеческому состоянию» (More, 1990, web, pp. 6-12); как междисциплинарное исследование, утверждающее возможность фундаментального улучшения состояния человека с помощью внедрения нанобиологических, информационных и когнитивных наукотехнологий (НБИС) для устранения старения, повышения интеллектуальных и физических способностей человека.

Предлагая новый вид рационального мировоззрения, трансгуманизм утверждает необходимость эволюции-перехода человека, а вместе с ним общества и культуры в целом в иное качественное состояние. По мнению трансгуманистов, постчеловек должен будет преодолеть свою человеческую природу, став гибридом человека и машины, то есть киборгом.

Это означает, что любая коммуникация в рамках трансгуманистического дискурса понимается как технологически-технически-машинно опосредованная. Прогресс провоцирует цифровизацию всех сфер жизнедеятельности людей, вплоть до всеобщего включения в единую компьютерную сеть с единым центром – идея «технической сингулярности» (Виндж, 2019). Задачей максимум для трансгуманистов является достижение бессмертия человека благодаря возможности воссоздавать человеческое сознание в компьютерах и сетях передачи информации, где оно могло продолжать «жить» бесконечно в цифровом виде, вне зависимости от судьбы его исходной биологической основы, оболочки – тела. Подобный постчеловек в понимании трансгуманистов – это всё ещё субъект, но существо необратимо изменённое. Может оказаться, что коммуникация среди подобных техно-субъектов претерпит существенные изменения по сравнению с текущим общением людей.

В настоящий момент концептуальная база трансгуманизма весьма широка и включает в себя ряд идей, позволяющих дополнить и даже существенно переосмыслить человеческие и человеко-машинные коммуникации. Это: идея медицинско-биологических взаимодействий с человеческими телами ради последовательного улучшения жизни человека (усовершенствование тела, избавление от страданий, достижение счастья и пр.), идея коммуникаций с биологическими материалами на генетическом и нанобиологическом уровне для управления процессами функционирования человеческого организма, достижения бессмертия (победа над болезнями, старением), идея постчеловека как киборга, мутанта, небιологического создания (постчеловек как вершина эволюции) с выстраиванием коммуникаций с подобными созданиями, антитрансгуманистические идеи (идеи противников трансгуманизма, споры о последствиях трансгуманистических идей), которые предоставляют широкие возможности для рассуждения о постчеловеческих коммуникациях.

Трансгуманистическая экстропианская доктрина<sup>4</sup> постулирует свободу физических действий не только как условие постоянного

---

<sup>4</sup> Термин «экстропия» в философском контексте был определён Максом Мором в 1988 г. как «мера развитости интеллекта, функционального порядка, жизненности, энергии, опыта, стремления к развитию и росту биологической или организационной системы»; как мера самопреобразования, практического оптимизма; как интеллектуальные технологии, открытое общество, самоуправление и рациональное мышление; как поддержка социальных порядков, которые поощряют свободу общения, свободу действий, экспериментов, инноваций, стремление к большему интеллекту,

обновления/самосовершенствования, но и как способ расширения коммуникативных возможностей. Активность и самопроявление каждого человека через разнообразие индивидуальных действий и смену моделей поведения признаются обязательными для развития и роста, для наращивания информации и успешного проведения современных коммуникаций. Такая установка открывает пути для разработки и принятия людьми новых методов и способов познания «мира в действии», энактивных моделей коммуникации, свободного экспериментирования с техно-биологическими расширениями человеческого тела, для включения в сферу коммуникаций экспериментов с геномом человека и животных, исследования коммуникационных взаимодействий в рамках телематики, робототехники, искусственного интеллекта и других человеко-машинных технологий.

Ещё одно значимое для трансгуманизма направление мысли – *аболиционизм* – выдвигает на первый план использование комплекса высоких технологий для прекращения человеческих страданий, достижения максимально возможного уровня комфорта и счастья. Для реализации подобных задач предлагается использовать специальные медицинские, фармацевтические, нутрицевтические и биоинженерные технологии, широкий спектр методик улучшения физических функций вплоть до радикальной модификации человека. Благодаря методам и технологиям получения рекомбинантных РНК и ДНК выделения генов из организма (клеток), осуществления манипуляций с генами и введения их в другие организмы, генная инженерия может вмешиваться в уже существующие живые организмы, изменяя их. Частной задачей является редактирование генома человека, ведущее к выведению разных пород людей и разных индивидов.

Человеческое тело, таким образом, оказывается полигоном для самых разнообразных манипуляций и модификаций. Чаще всего разработка таких модификаций ведётся для задач медицины и улучшения качества жизни человека, но забота о теле вполне может рассматриваться и как своего рода коммуникация с самим человеческим телом, с человеческой природой: «диалог» с телом, влияние на работу тела, риторика телесных трансформаций. Сам опыт взаимодействия с процессами, протекающими в человеческом теле, может иметь существенную коммуникационную составляющую и представлять интерес для исследования.

В современной ситуации, когда генные технологии стремительно входят в разряд доступных трансформативных практик, всё более актуальным становится вопрос об изучении способов интеграции генномодифицированных организмов (в том числе мутирующего человека) в социум и о выработке способов взаимодействия

---

мудрости, эффективности и устранению политических, культурных, биологических и психологических ограничений для продолжения развития. В метафорическом смысле экстропия является полной противоположностью энтропии. Подробнее см.: (More, 2003).

и коммуникации с подобными созданиями, что может стать одной из задач постчеловеческой коммуникативистики.

Конечно, для современного человека встречи с мутантами в реальной жизни пока не стали привычными. Но благодаря работам художников и экспериментаторов-биодизайнеров образы изменённого человеческого тела становятся всё более доступными, а понятие технологической эволюции биологии человечества находит широкое осмысление в научной фантастике, в художественной литературе и кинофильмах, работах современных художников. Так, творчество Дж. Кунса, П. Маккарти, С. Шерман, Д. Херста, Ч. Рэя и ряда других отразило изменения в образе человека, вызванные технологиями, пластической хирургией, электронными средствами массовой информации, последствиями генной инженерии пр. Благодаря творчеству этих художников актуализируются новые дискурсы трансгуманистической коммуникации.

Современные художники-трансгуманисты специализируются на исследовании вопросов взаимодействия с постбиологическими телами и субъектами. Так, американская художница Наташа Вита-Мор реконструирует человеческие тела, визуализируя диалог о будущем телесных мутаций человека, Орлан изменяет собственное тело, поднимая этические вопросы посредством феминистической критики, а австралийская художница Патриция Пиччинини использует свою арт-практику как площадку для размышлений о возможностях биотехнологии, её влиянии на жизнь людей. Инсталляции Пиччинини подсказывают, как люди могли бы вести общение с геномодифицированными биосозданиями.

Коммуникационная проблематика биоинженерных экспериментов пока преимущественно концентрируется в области этических и политических вопросов: идентичности человека, свободы воли, личности, манипулятивности и физической опасности технологий для выживания и будущего человека. Кроме того, существенными являются вопросы общественного одобрения/неодобрения использования биомедицинских технологий, взаимодействия людей с биодополненными индивидуумами (С. Хокинг), социальной дифференциации вследствие применения новых технологий (Ф. Фукуяма), расслоения общества и неравенства в связи с недоступностью этих технологий для всех, а также морально-этические проблемы.

Таким образом, трансгуманистические идеи оказываются богатым полем для самых разнообразных взаимодействий и выстраивания современных коммуникаций, со своей спецификой, требующей соответствующих подходов и поиска методологии исследования.

**Объектно-ориентированные аспекты  
нечеловеческих коммуникаций**

В отличие от трансгуманистов, рассуждения которых в целом соотносятся с понятием человека, более радикальное определение нечеловеческой коммуникации предлагают исследователи, желающие представить мир нечеловеческий. Они готовы рассуждать о природных, объектных и космических процессах вне какой-либо корреляции с человеческим сознанием и социальными причинами.

Предпосылки подобных тенденций отсылают к спекулятивному реализму (К. Мейясу, Р. Брассье), феноменологии «чужих» (Я. Богост), объектно-ориентированной онтологии (Т. Мортон, Г. Харман) и частично к акторно-сетевой теории (Б. Латур). Исследователи пытаются рассуждать о взаимодействиях объектов в мире вне какого-либо влияния человека. По мнению объектно-ориентированных мыслителей, антропоцентризм не даёт человеку доступа к познанию разнообразия объектов в мире из-за привычки соотношения всего сущего с позицией человеческого субъекта – то, что К. Мейясу называет «корреляционизмом» (Мейясу, 2015).

По мнению Мейясу, чтобы выйти за пределы «корреляционистского» круга, необходимо выйти вообще за пределы человеческого мышления, поскольку «изначальная» реальность не дана в мышлении: она «предшествует данности», находясь вне какого бы то ни было «проявления» (Мейясу, 2015, с. 48-50). Превознося абсолютов «иного», К. Мейясу предвидит начало конца времени существования телесного бытия человека, перехода к пост- / трансчеловеческому существованию и коммуникации нечеловеков.

Ещё один объектно-ориентированный мыслитель Л. Брайант утверждает, что сведение объектов к означающим или различным языковым отношениям, которое характеризовало структурализм и постструктурализм, сделало «практически невозможным исследование эффективности материальных объектов в формировании социальных отношений» (Bryant, 2014, p. 3). То есть, рассуждая о тротуарах, океанских волнах или телевизионных сигналах исключительно с точки зрения того, как они определяются языковыми практиками, люди упускают либо сильно недооценивают те материальные силы, через которые эти объекты проявляют себя в повседневном мире, влияя не только на людей, но и на другие объекты. В этом случае, например, уличные тротуары – это не только удобное устройство для ходьбы. Сами они взаимодействуют с обувной резиной, лапами домашних питомцев, велосипедными шинами и другими предметами – в буквальном смысле – конкретными способами, которые придают им значение и способность действовать на другие объекты (коммуницировать в широком смысле).

Напротив, концепция «изъятия объекта» Грэма Хармана (Харман, 2019) постулирует подчеркнута антиреляционную онтологию, в которой объекты находятся на расстоянии друг от друга и от се-



тей, в которые они встроены. Мир, который описывает объектно-ориентированная онтология Хармана – это «бесконечно глубокий мир, в котором каждый объект более высокого уровня сложен из объектов более низкого уровня» (Кралечкин, 2014, с. 317). Между объектами высшего и низшего уровня нет никакой разницы, так как все объекты равны по своей природе. Такая «философия нечеловеческого» указывает выход за пределы человеческого бытия и проникновение вглубь отношений (коммуникаций) между вещами-в-себе.

Таким образом, некорреляционные коммуникации не направлены на конкретные объекты/субъекты и не коррелируют с ними, но позволяют постсубъектам испытывать сингулярности, которые внутренне неопределимы и неадекватны для познания. Во всех этих отношениях некорреляционное мышление неоднозначно, эстетично, и потому, в соответствии с идеей Г. Хармана, «эстетика становится первой философией» (Харман, 2012, с. 75-90).

В книге «Гиперобъекты. Философия и экология после конца света» Тимоти Мортон (Мортон, 2019) выступает против антропоцентризма и вводит понятие «гиперобъект», в корне меняющее представление об объекте как таковом. Объекты предстают как вязкие, нелокальные и волнообразные сущности, фазированные и интеробъективные. Объекты обладают уникальным свойством наводить мосты между жизненными мирами, объединяя «реальности», которые в противном случае существовали бы независимо.

Мортон приходит к необходимости понимания гиперобъектов через эстетические коммуникации, эстетический опыт, ведь только последний позволяет нам в течение краткого мгновения зафиксировать гиперобъекты в привычном человеческом пространстве-времени.

Закономерно, что своё непосредственное применение методы неантропоцентричных «коммуникаций» находят в арт-практиках современных художников, заменяющих человеческую деятельность самовыражением объектов. Так художник и философ Ян Богост отстаивает «эстетику чужих», как он её называет, которая сосредоточена не на человеческом восприятии объектов, а на «восприятии» объектами людей, отражает тайную «загадочность вещей» (Богост, 2019, с. 152).

Художники, объединённые направлением так называемой новой эстетики (Contreras-Koterbay Scott, Mirocha Łukasz, 2016), видят автоматическое документирование человеческих действий, минующее человеческое отношение к реальности, единственным способом работы с ней. Как указывает Я. Богост, новая эстетика «вопрошает, как компьютеры, бонобо, тостеры и лайнеры Boeing 787 Dreamliner организуют свою собственную эстетику» (Bogost, 2012).

Избегая человеческого фактора, объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, феноменология «чужих», плоская онтология и связанные с ними философские направления пред-

лагают модель, отражающую сущность машинного сознания и машинных коммуникаций.

В этом смысле интерес представляют последствия подобных направлений для изучения коммуникативных процессов и эволюции медиа.

### ***Постчеловеческие технологии и машинно-телесные коммуникации***

Качественную переоценку традиционным моделям коммуникации предлагает *постгуманизм* – особый дискурс и современное философское течение, осмысляющее технизацию, роботизацию и цифровизацию во всех аспектах человеческой жизни.

В отличие от трансгуманизма, постгуманизм не постулирует требование неперестанного прогресса, трансформации человеческого в новое постчеловеческое состояние. Постгуманизму близка мысль Б. Латура о том, что «мы никогда не были нововременными» (Латур, 2006, с. 72), что человеческое всегда развивалось, сосуществовало или сотрудничало с внешним, нечеловеческим. Постгуманизм ставит под сомнение антропоцентричную веру в человека как отличительную, уникальную и доминирующую форму жизни, отходит от традиционной гуманистической идеи «автономного, самодостаточного индивидуального субъекта» и приближается к понятию человеческого как «ассамбляжа, эволюционирующего совместно с другими формами жизни, тесно связанного с окружающей средой и технологиями» (Nayar, 2013, pp. 3-4).

Постгуманизм отстаивает принцип симбиоза человека со всем окружающим миром и всеми формами нечеловеческой жизни, которым придаётся статус равнозначных с человеком актантов, та же значимость и свобода действий (агентность), что и человеку. Фокус исследовательского интереса смещается с рассмотрения репрезентаций и способов авторского выражения на процедурные модели выражения, поведения, динамики функционирования компьютерных машин, работающих совместно с человеком.

Ряд исследователей полагают, что понимание постчеловеческого в современной культуре не обязательно означает устранение всего человеческого, тотальную роботизацию, отказ от человеческой телесности, памяти и субъектности (Брайдотти, 2021; Hayles, 2006; Hansen, 2004; Munster, 2006). Так, К. Хэйлз утверждает, что процессы технизации (техногенез) хотя и ведут к тому, что самодостаточный субъект заменяется представлением о субъективности как о «потоке и процессе», тем не менее именно человеческое тело или, точнее, взаимодействие между человеческими телесностями и машинами определяет то, чем является человек цифровой эпохи.

Исследователи, выбравшие для себя направление *материально и телесно-ориентированного постгуманизма*, стремятся доказать, что машины, алгоритмы и компьютерная техника не могут существовать и совершенствоваться без участия человека. Концепция

машинно-человеческих коммуникаций указывает на то, что цифровая информация и цифровые коммуникации всегда определяются теми телами и процессами, благодаря которым они осуществляются и циркулируют.

В книге *How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics* (1999 г.) Н. Кэтрин Хейлз делает акцент на материальности человеческого тела, условии его конечности и, следовательно, его зависимости от сотрудничества с остальным материальным миром: «Мой идеал – это версия постчеловека, которая охватывает возможности информационных технологий, не соблазняясь фантазиями о неограниченной власти и бестелесном бессмертии, которая признаёт и принимает конечность как условие человеческого существования и понимает человеческую жизнь как встроенную в материальный мир огромной сложности, где от нас зависит наше дальнейшее выживание» (Hayles, 1999, p. 5).

К. Хейлз полагает, что сам человеческий язык возникает из взаимодействия телесных и машинных реальностей, что на каждом этапе развития человечества именно соединение человеческих тел и технологии обеспечивает альтернативные модели информации и коммуникации.

Всё больше исследователей (Parisi, 2008; Rotman, 2008; Sha Xin Wei, 2013) обращают внимание на телесные режимы цифровых медиакоммуникаций и анализируют проекты, в которых машинно-человеческие взаимодействия оказываются ключевыми для получения нового опыта. Общим для указанных исследователей является признание важной роли человеческого тела в работе цифровых компьютеризированных систем. Они едины во мнении, что информация требует телесного воплощения и воплощённого человеческого субъекта в качестве инициатора оформления информации.

Включение человека в цепочку взаимодействия «машина – код» создаёт потенциал для внесения шума (неопределённости) в процесс передачи данных. Присутствие человека (постчеловека) позволяет направлять и ограничивать деятельность технологий, основанных на данных. Участие пользователя создаёт разрывы в технических петлях обратной связи, что обогащает конечные результаты техно-биологических взаимодействий.

В этом смысле очевиден симбиотический характер отношений между человеком и машиной, поскольку люди-агенты здесь являются генераторами данных, питающих технологии. Без участия человека в генерации наборов данных машины фактически не имеют социальной цели и оказываются информационно обеднёнными.

Чтобы выявить особенности современных машинно-человеческих коммуникаций, требуется учитывать множественные взаимозависимости и взаимосвязи, которые возникают в опосредованных и технологически взаимосвязанных социальных мирах. Постчеловеческие коммуникации в этом случае – это отношения между пользователями и машинными алгоритмическими процес-

сами как отношения без первоначального направления и без первичного действия, приписываемого одной отдельной стороне. Это мышление в терминах взаимозависимых отношений между всеми вовлечёнными элементами, в отличие от однонаправленной передачи информации и смысла.

### **Критический постгуманизм и реляционные коммуникации**

Кроме эйфорически-одобряющих и антиутопических взглядов на постчеловеческие коммуникации, существуют подходы критически настроенных постгуманистов (Стефан Хербрехтер, Кэри Вулф, Рози Брайдотти, Нил Бадмингтон и др.), которые видят преимущества в технической эволюции человечества. Задача *критического постгуманизма* в том, чтобы предложить сбалансированный анализ текущих технологических новаций и разработать альтернативные, справедливые модели будущего постчеловеческого общества. Как таковые, эти идеи и устремления в основе своей гуманистичны (в том смысле, что они хотят доказать ценность всего живого, в том числе человеческой жизни).

В отличие от ряда трансгуманистических проектов, готовых пожертвовать человеческой природой ради усовершенствования *Homo sapiens*, версия коммуникаций, связываемых с критическим постгуманизмом, предполагает сохранение материальности человеческого тела, но при выстраивании настолько тесных связей между человеком и нечеловеческим окружением (природой, техносферой, любыми объектами), что человек уже не станет рассматриваться как центр мироздания.

Постчеловек существует как субъективность, которая постоянно находится в процессе аутопоззиса или перенастройки. Этот субъект представляет собой реляционную сущность, находящуюся в постоянном процессе изменения и адаптации к элементам и агентам, с которыми взаимодействует и которыми она окружена. Люди считаются равными участниками в сфере экологии, наряду с множеством других участников: животными, организмами, объектами, машинами, процессами и технологиями.

Так, например, особая область постгуманизма – новый материализм – трактует человека как встроенного в сеть совместно действующих актантов, взаимодействующего с множеством дискурсивных сил, телесностей и процессов. Философ Джейн Беннетт осуществляет исследование «вибрирующей материи» (Беннетт, 2018), выдвигая на первый план материальную хореографию тел и объектов и переосмысляя такие термины, как интеллект и знание. Новая материалистическая теория обращена к докогнитивным и телесно-воплощенным знаниям, исследует участие людей в проявлении нечеловеческих материальных сил.

Термин «интраакция», который К. Барад вводит в книге *Meeting the Universe Halfway* (Barad, 2017), относится к сложным взаимосвязям между людьми и не людьми. Если интерактивность, или

взаимодействие, предполагает изначальное присутствие независимых субъектов отношений, то интраакции представляются как «потoki совместного становления действующих агентов» (Венкова, 2021, с. 10). Посредством агентных интраакций свойства феноменов получают определённую, свою материальную оформленность и обретают конкретные понятия, становясь семантически значимыми.

Реляционность означает взаимовлияние динамических систем, образованных разнородными сущностями (людьми, машинами, протоколами, технологиями, обществом, культурой), где все компоненты взаимозависимы. Реляционность рассматривается как способ коммуникации, альтернативный технической интерактивности. Многие исследователи критикуют интерактивность за алгоритмически, программно контролируемые действия пользователей – по словам Б. Массуми, «своего рода тиранию интерактивности» (Massumi, 2008, web, p. 8). Такие «интерактивные произведения» скорее манипулируют поведением пользователей, нежели предлагают реальное пространство для диалога и взаимодействия. Так, например, в некоторых видеоиграх заранее запрограммированные события лишены эмерджентных качеств, а действия геймеров по сути задаются алгоритмами и правилами. Интерактивность здесь управляет рефлексам «по И.П. Павлову», стимулируя тривиальные действия геймеров посредством свода правил и вознаграждений.

Напротив, в современных реляционных медиа- и арт-проектах пользователи и компоненты интерактивных пространств взаимозависимы: цепь взаимных петель обратной связи (действие/реакция) преобразует каждого из участников. Такая коммуникация понимается как процесс выстраивания отношений, а качества взаимодействия тел рассматриваются с точки зрения их способности изменяться и реагировать. Реляционное здесь – это эмерджентный процесс, в котором нечто новое возникает из отношений соучастников и условий в процессе проведения медиапроектов.

Для философа Э. Мэннинга реляционность – это процесс «раскрытия сложного поля множественности, ещё недифференцированного... пережитый опыт аффективной сонастройки» (Manning, 2013, p. 3). Здесь «аффективная настройка» – это досознательная расположенность, реализация которой приводит к новым перспективам отношений, которые, в свою очередь, влияют на то, как отдельные события проявляют себя во время события.

В этом смысле реляционные проекты импровизационны, сложнопредсказуемы и эмерджентны. Телесное воплощение каждого события всегда направлено на дальнейшие потенциальные дифференциации – продолжающуюся эволюцию события – и, следовательно, всегда открыто виртуальному. Коммуникативные акты здесь служат цели накопления энергии и циркуляции ритмов между телами и объектами.

Реляционное коммуникационное событие концентрируется на создании условий для возникновения новых связей. Это шаг к новому пониманию целей и задач коммуникации, заключающихся теперь в создании «линий ускользания» (Ж. Делёз) и изобретении новых потенциалов существования. Производство может рассматриваться не как статичный конечный продукт, а скорее как экосистема (Fuller, 2005; Guattari, 2000), где одно изменение в системе имеет последствия для всех её компонентов.

Таким образом, реляционные коммуникативные практики отказываются от идеи трансцендентности, от концентрации на достижении идеальной, заранее выбранной формы, и сосредоточены на создании новых форм и дальнейшей их дифференциации. Коммуникация в этом случае становится средством, организующим взаимосвязь переплетающихся полей и сил, способных развиваться непредсказуемым, разнородным образом.

### ***Энвайронментализм, экофеминизм и более-чем-человеческие коммуникации***

Своеобразный подход к более-чем-человеческим коммуникациям предлагают *энвайронментализм* и *экофеминизм* – современные гуманитарные течения, которые во многом противостоят трансгуманизму и отчасти постгуманизму. Новые экологически-ориентированные теории выступают за решительный отказ от технического развития, возвращение к природе, примат природы над «павшей» цивилизацией.

Энвайронментализм видит в человеке угрозу для существования мира природы, призывая к переоценке роли человека и его места в мире. Понятие антропоцена означает, что именно люди ответственны за свои деструктивные действия в отношении природы и обязаны обеспечить её сохранение. Так, по мнению Т. Мортон и К. Колбрук, продолжающееся изменение климата требует, чтобы мы думали о влиянии наших сегодняшних действий на будущее, в котором нас может и не быть (Мортон, 2019), а также о будущем других видов жизни на земле в условиях неизбежности вымирания человечества (Colebrook, 2014).

В экокритических и экофеминистских исследованиях человек одновременно контекстуализируется и как крошечная сущность по отношению к нечеловеческим масштабам времени, и как сила, формирующая новую геологическую эру. Так, философ Элизабет Гроц видит человека как «лишь мгновенную вспышку в истории и космологии, принципиально безразличной к человеку как к временному явлению» (Grosz, 2011, p. 25).

Современные экофеминистские попытки описать способ мышления, адекватный сложным материальным энергиям Земли, – гео-/зоэ-/техно-опосредованными способами – находит своё выражение в идее *симпозиса*, разрабатываемой философом-феминисткой Донной Харауэй (Харауэй, 2018).

Стейси Алаймо пишет о неотделимости человека от всех органических и неорганических процессов в окружающей среде. Она развивает свою постчеловеческую теорию через концепцию «транстелесности», которую описывает как «пространство-время, в котором человеческая телесность во всей своей материальной плоти неотделима от “природы” и “окружающего пространства”» (Alaimo, 2008, p. 238).

В социальных и естественных науках растёт интерес к потенциалу исследования более-чем-человеческих аспектов жизни (Whatmore, 2006, pp. 600-609).

Действенной стратегией экофеминизма является попытка устранения различий между человеческими и животными коммуникациями. Так, Кэри Вулф критикует парадигматическое гуманистическое различие между человечностью и животностью и оговаривает, что в современности «“человеческое” достигается путём избегания или подавления не только своего животного происхождения в природе, биологического и эволюционного, но и в более общем плане путём полного отказа от уз материальности и телесного воплощения» (Wolfe, 2010, p. 158).

Напротив, постгуманистическое переосмысление человека, как глубоко укоренённого в его биологическом и технологическом мирах, основано на «открытости по отношению к окружающей среде» (Wolfe, 2010, p. XXIII), которая берёт начало в самореферентном аутопоэзисе. Это означает признание социальных феноменов человеческого языка, сознания и коммуникации как неотъемлемых свойств окружающего мира.

## **Заключение**

Резюмируя сказанное, можно заключить, что общим для постчеловеческих коммуникационных моделей является отказ от парадигмы человеческой исключительности. Коммуникация рассматривается как форма ассамбляжа, не являющегося исключительно человеческой привилегией. Познание и коммуникация распространяются «на все формы жизни, включая те, которые не имеют центральной нервной системы, такие как растения и микроорганизмы» (Hayles, 2017, p. 15).

При этом существенные изменения в методологических подходах к изучению постчеловеческих коммуникаций заключаются в следующем:

Во-первых, происходит переход от выявления анализа дискурсивных, властных стратегий коммуникаций на теоретическом уровне к множественным практикам взаимодействия самого исследователя с исследуемыми объектами – то, что получило название «прагматический поворот» (*practice turn*; Schatzki, Knorr-Cetina, Von Savigny (Eds.), 2001). Происходит переход от репрезентации к перформативности и физическому действию, физической

активности, актантности как основополагающим принципам пост-человеческой коммуникации.

Задачи исследования коммуникации смещаются с того, что она означает (показывает, представляет, пробуждает, символизирует), на то, что она делает, как влияет на коммуникантов и среду, в которой она осуществляется и развёртывается. В результате опыт соучастия в партиципаторных медиапроектах оказывается шире собственно задач традиционной коммуникации, шире восприятия и получения эстетического опыта. Это опыт реальной материальной трансформации окружающей действительности. В этом смысле действия и взаимодействия процессов/объектов/людей должны рассматриваться как творческая материя, а не как материальные объекты в качестве медиумов для творчества.

Во-вторых, процессуальные коммуникационные практики задействуют материю не в качестве формы выражения, а как поток творческих становлений, активных в рамках композиционных процессов. Такие становления являются более-чем-человеческими. В этом случае каждый участник-агент определяется не как независимый субъект-коммуникант, но как совокупность тел, связанных и трансформирующихся посредством творческого становления материи.

Исследование этих концепций само по себе становится формой перформативности, включается в процесс исследования-созидания – то, что Э. Мэннинг и Б. Массуми называют процессом исследования-создания (*research-creation*; Manning, 2013), в котором пересечение мышления и действия является условием для изобретения нового. Важным здесь является поиск коммуникативных техник, максимально пригодных для выражения более-чем-человеческого;

В-третьих, если традиционные модели коммуникации налагали на человека ответственность за передаваемые значения, то понимание постчеловеческих коммуникаций в большей степени связано с ответственностью за инициирование процессов и аффектов. Это смещение внимания с того, что означают вещи, на то, что они делают, имеет существенные последствия для понимания коммуникации – того, как что-то влияет, что-то подчиняет нас своей воле, производит впечатление, воздействует эффективно и аффективно.

Исследование коммуникации могло бы обращаться к более-чем-человеческим методам, техникам «изобретения в действии». Такие методы позволят по-разному включать, например, животных, биообъекты и технологические устройства в качестве агентов-провокаторов при решении исследовательских вопросов. Это совместное конфигурирование аффецированного «поля свершения» (определяющего чувственное) через соучастие.

Очевидно, что для понимания и совершенствования постчеловеческих коммуникаций требуется выработка механизмов их исследования и описания. Такая работа могла бы вестись в рамках специальной дисциплины, обозначаемой как «постчеловеческая коммуникативистика».



## **Информация о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## **Declaration of Conflicting Interests**

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

## **Список литературы**

Беннетт, 2018 – *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя: политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 217 с.

Богост, 2019 – *Богост И.* Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь: Гиле Пресс, 2019. 200 с.

Брайдотти, 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.

Венкова, 2021 – *Венкова А.В.* Теоретическое исследование феномена иммерсивности в объектно-ориентированной онтологии и постгуманизме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 5-13.

Виндж, 2019 – *Виндж В.* Сингулярность / Пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина. М.: Издательство АСТ, 2019. 224 с.

Латур, 2006 – *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.

Кавинова, 2017 – *Кавинова И.П.* Философско-религиозные и социальные аспекты трансгуманизма, или преодоление «человеческого, слишком человеческого» в XXI в. // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана). 2017. № 3. С. 1-18. URL: <http://hmbul.ru/articles/420/420.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

Кралечкин, 2014 – *Кралечкин Д.* О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100). С. 293-318.

Манифест Российского трансгуманистического движения. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 05.02.2023)

Мейясу, 2015 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. Л. Медведева. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Мортон, 2019 – *Мортон Т.* Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В.И. Абраменко. Пермь: Hyle Press, 2019. 284 с.

Харман, 2012 – *Харман Г.* О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75-90.

Харман, 2019 – *Харман Г.* Спекулятивный реализм: введение / Пер. с англ. А.А. Писарев. М.: Рипол Классик, 2019. 496 с.

Харауэй, 2018 – *Харауэй Д.* Тентакулярное мышление // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология / Ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018. С. 180-227.

Alaimo, 2008 – *Alaimo S.* Trans-corporeal feminism and the ethical space of nature // *Material Feminisms* / Eds. S. Alaimo, S. Hekman. Bloomington: Indiana University Press, 2008. Pp. 237-264.

Barad, 2007 – *Barad K.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham; L.: Duke University Press, 2007. 544 p.

Bogost, 2012 – *Bogost I.* The new aesthetic needs to get weirder // The Atlantic. URL: <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needsto-get-weirder/255838> (дата обращения: 12.02. 2023).

Boyle, 2018 – *Boyle C. A.* Rhetoric as a Posthuman Practice. Columbus: Ohio State University Press, 2018. 232 p.

Colebrook, 2014 – *Colebrook C.* The Death of the PostHuman: Essays on Extinction, Volume One. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2014. 246 p.

Contreras-Koterbay, Mirocha, 2016 – *Contreras-Koterbay S., Mirocha L.* The New Aesthetic and Art: Constellations of the Postdigital. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2016. 280 p.

Fuller, 2005 – *Fuller M.* Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture. Cambridge: MIT Press, 2005. 264 p.

Guattari, 2000 – *Guattari F.* The Three Ecologies. L.; New Brunswick: The Athlone Press, 2000. 174 p.

Grosz, 2011 – *Grosz E.* Becoming Undone: Darwinian Reflections on Life, Politics, and Art. Durham; L.: Duke, 2011. 280 p.

Hansen, 2004 – *Hansen M.* New Philosophy for New Media. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2004. 362 p.

Hayles, 1999 – *Hayles N. K.* How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 364 p.

Hayles, 2006 – *Hayles N. K.* Unfinished work: from cyborg to cognisphere // *Theory, Culture & Society*. 2006. No. 7-8. Vol. 23. Pp. 159-166.

Hayles, 2017 – *Hayles N. K.* Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago: The University of Chicago Press, 2017.

Levi, 2014 – *Levi R. B.* Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 312 p.

Massumi, 2002 – *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; L.: Duke University Press, 2002. 336 p.

Massumi, 2008, web – *Massumi B.* The thinking-feeling of what happens // *Inflexions*. 2008. Vol. 1. P. 8. URL: [http://www.inflexions.org/n1\\_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf](http://www.inflexions.org/n1_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf) (дата обращения: 10.10.2023).

More, 1990 – *More M.* Transhumanism: toward a futurist philosophy // *Entropy*. 1990. No. 6. Pp. 6-12.

More, 2003, web – *More M.* Principles of Extropy (Version 3.11): an evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition // Extropy Institute. 2003. URL: <http://www.extropy.org/principles.htm> (дата обращения: 05.02.2023).

Munster, 2006 – *Munster A.* Materializing New Media Embodiment. Embodiment in Information Aesthetics. Hanover, N.H.: Dartmouth College Press, University Press of New England, 2006. 256 p.

Nayar, 2013 – *Nayar P. K.* Posthumanism. L.: Polity, 2013. 208 p.

Parisi, 2008 – *Parisi L.* The nano-engineering of desire // *Queering the Non/Human* / Eds. N. Giffney, M. Hird. Aldershot: Ashgate, 2008. Pp. 283-309.

Rotman, 2008 – Rotman B. *Becoming Beside Ourselves: The Alphabet, Ghosts, and Distributed Human Being*. Durham, N.C.; L.: Duke University Press, 2008. 216 p.

Schatzki, Knorr-Cetina, Von Savigny (Eds.), 2001 – *The Practice Turn in Contemporary Theory* / Eds. T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. Von Savigny. L.: Routledge, 2001. 252 p.

Schönpflug, Klapeer, 2017 – *Schönpflug K., Klapeer C. M. Towards a posthumanist economics. The end of self-possession and the disappearance of Homo oeconomicus // Varieties of Alternative Economic Systems: Practical Utopias for an Age of Global Crisis and Austerity* / Eds. W. Richard, R. Albritton, J. Seongjin. Routledge, 2017. Pp. 204-220.

Smart, Smart, 2017 – *Smart A, Smart J. Posthumanism. Anthropological Insights*. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 128 p.

Sha Xin Wei, 2013 – *Sha Xin Wei. Poiesis and Enchantment in Topological Matter*. Cambridge, Mass.: MIT, 2013. 384 p.

Whatmore, 2006 – *Whatmore S. Materialist returns: practising cultural geography in and for a more-than-human world // Cultural Geographies*. 2006. No. 13. Pp. 600-609.

Wolfe, 2010 – *Wolfe C. What is Posthumanism?* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. 392 p.

## References

Alaimo, S. (2008). Trans-corporeal feminism and the ethical space of nature. In S. Alaimo, S. Hekman (Eds.). *Material Feminisms* (pp. 237-264.). Indiana University Press.

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press.

Bennett, J. (2018). *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Gile Press. (In Russian)

Bogost, I. (2012). The new aesthetic needs to get weirder. *The Atlantic*. Retrieved on February 12, 2023, from <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needsto-get-weirder/255838>

Bogost, I. (2019). *Alien Phenomenology, or What Is It Like To Be a Thing?* Gile Press. (In Russian)

Boyle, C. A. (2018). *Rhetoric as a Posthuman Practice*. Ohio State University Press.

Bridotti, R. (2021). *Posthuman*. Gaidar Institute. (In Russian)

Colebrook, C. (2014). *The Death of the PostHuman: Essays on Extinction, Volume One*. Open Humanities Press.

Contreras-Koterbay, S., Mirocha, L. (2016). *The New Aesthetic and Art: Constellations of the Postdigital*. Institute of Network Cultures.

Fuller, M. (2005). *Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture*. MIT Press.

Guattari, F. (2000). *The Three Ecologies*. The Athlone Press.

Grosz, E. (2011). *Becoming Undone: Darwinian Reflections on Life, Politics, and Art*. Duke University Press.

Hansen, M. (2004). *New Philosophy for New Media*. MIT Press.

Haraway, D. (2018). Tentacular thinking. In M. Kramar, K. Sarkisov (Eds.). *Experiences of Inhuman Hospitality: an Anthology* (pp. 180-227.). V-A-C Press (In Russian)

- Harman, G. (2012). On substitutive causality. *New Literary Review*, 2 (114), 75-90. (In Russian)
- Harman, G. (2019). *Speculative Realism: An Introduction*. Ripol Classic Publ. (In Russian)
- Hayles, N. K. (1999). *How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics*. University of Chicago Press.
- Hayles, N. K. (2017). *Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious*. The University of Chicago Press.
- Hayles, N. K. (2006). Unfinished work: from cyborg to cognisphere. *Theory, Culture & Society*, 23 (7-8), 159-166.
- Kralechkin, D. (2014). About sealing wax and cabbage. *Logos*, 4 (100), 293-318.
- Kavinova, I. P. (2017). Philosophical, religious and social aspects of transhumanism, or overcoming the “human, too human” in the XXI century. *Humanitarian Bulletin (Bauman Moscow State Technical University)*, 3, 1-18. (In Russian)
- Latour, B. (2006). *There Was No New Time. Essays on Symmetric Anthropology*. Publishing House of European University in St. Petersburg. (In Russian)
- Levi, R. B. (2014). *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh University Press.
- Massumi, B. (2002). *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Duke University Press.
- Massumi, 2008 – Massumi B. The thinking-feeling of what happens // *Inflexions*, 1, 8. Retrieved on October 10, 2023, from [http://www.inflexions.org/n1\\_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf](http://www.inflexions.org/n1_The-Thinking-Feeling-of-What-Happens-by-Brian-Massumi.pdf)
- Meiyasu, K. (2015). *After the Finite: An Essay on the Necessity of Contingent*. Cabinet Scientist Publ. (In Russian)
- Manifesto of the Russian transhumanist movement. Retrieved on February 5, 2023, from <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>
- More, M. (1990). Transhumanism: toward a futurist philosophy. *Extropy*, 6, 6-12.
- More, M. (2003). Principles of extropy (Version 3.11): an evolving framework of values and standards for continuously improving the human condition. *Extropy Institute*. Retrieved on February 5, 2023, from <http://www.extropy.org/principles.htm>
- Morton, T. (2019). *Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World*. Gile Press. (In Russian)
- Munster, A. (2006). Materializing new media embodiment. *Embodiment in Information Aesthetics*. Dartmouth College Press/University Press of New England.
- Nayar, P.K. (2013). *Posthumanism*. London: Polity.
- Parisi, L. (2008). The Nano-Engineering of desire. In N. Giffney, M. Hird (Eds.). *Queering the Non/Human* (pp. 283-309). Ashgate.
- Rotman, B. (2008). *Becoming Beside Ourselves: The Alphabet, Ghosts, and Distributed Human Being*. Duke University Press.
- Schatzki, T., Knorr-Cetina, K., Von Savigny, E. (Eds.). (2001). *The Practice Turn in Contemporary Theory*. Routledge.
- Schönplflug, K, Klappeer, C. M. (2017). Towards a posthumanist economics. The end of self-possession and the disappearance of Homo oeconomicus. In W. Richard, R. Albritton, J. Seongjin (Eds.). *Varieties of Alternative Economic Systems: Practical Utopias for an Age of Global Crisis and Austerity* (pp. 204-220). Routledge.

Smart, A, Smart, J. (2017). *Posthumanism. Anthropological Insights*. University of Toronto Press.

Sha Xin Wei. (2013). *Poiesis and Enchantment in Topological Matter*. MIT Press.

Venkova, A.V. (2021). Theoretical study of the phenomenon of immersiveness in object-oriented ontology and post-humanism. *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art Criticism*, 44, 5-13. (In Russian)

Vinge, V. (2019). *Singularity*. AST Publishing House. (In Russian)

Whatmore, S. (2006). Materialist returns: practising cultural geography in and for a more-than-human world. *Cultural Geographies*, 13, 600-609.

Wolfe, C. (2010). *What is Posthumanism?* University of Minnesota Press.